

Я нашел свою героиню на улице

Афганистан известен всему миру тем, что там скрывался (а может быть, скрывается и по сей день) террорист номер один Усама бен Ладен. Поэтому неудивительно, что первый фильм, снятый в этой стране после крушения диктатуры талибана, носит название "Усама". Но фильм режиссера Сиддика Бармака вовсе не о бен Ладене. Он о девочке, которая берет себе это имя, притворившись мальчишкой. Это единственный способ прокормить семью, оставшуюся без отца. Действие фильма происходит еще во времена талибана, когда женщинам и девушкам не разрешали работать и даже выходить на улицу без сопровождения мужчин. Фильм афганского режиссера имел большой успех во всему миру. Он был отмечен в Канне, получил первый приз на Лондонском фестивале и престижную американскую премию "Золотой глобус" как лучший иностранный фильм. В этой связи Сиддик БАРМАК ответил на вопросы ряда американских корреспондентов.

С. Бармак

— Вы когда-нибудь думали, что ваш фильм будет иметь такой успех?

— Нет, никогда. Конечно, я надеялся, что фильм найдет дорогу к сердцам зрителей в Афганистане и за рубежом, но о "Золотом глобусе" и не помышлял.

— Известно, что вы отбирали непрофессиональных актеров в детских домах и лагерях беженцев. Почему?

— Вся эта история правдива, я ее не выдумал, и мне хотелось найти людей, которые могли бы не сыграть, а прожить ее на экране. Я хотел сделать естественный, реалистический фильм. Мы работали, импровизируя. Я не рассказывал съемочной группе сюжет целиком, чтобы каждый день съемок приносил что-то новое.

— Как вы нашли Марину Голбахари, которая сыграла героиню? По слухам, она просила милостыню.

— За время поисков мне пришлось встречаться и говорить по меньшей мере с тремя с половиной тысячами девушек. Кое-кто из них мне понравился, но я не был до конца уверен. Я увидел Марину случайно на улице за четыре дня до начала съемок. Можете себе представить, какое она на меня произвела впечатление.

— Вы что, действительно не встречали ее раньше?

— Мне хотелось найти что-то совершенное. И она меня поразила, как только я ее увидел. Я сразу понял, что именно это лицо мне и нужно. Я задал какие-то вопросы, она идеально подходила для моего персонажа. Жизни у них были одна к одной. Талибан много раз арестовывал отца Марины, и семью кормил ее брат, поэтому ей пришлось просить милостыню. Ей было очень страшно выходить одной на улицу, ведь это было запрещено.

— Что с ней случилось после фильма? Как съемки повлияли на жизнь других ваших актеров?

— Очень сильно повлияли. Они полюбили кино и теперь спят и видят,

как бы сыграть еще какие-нибудь роли. Марина уже сыграла во втором фильме и получила предложение сыграть в третьем. На фестивале в Дели она получила приз за лучшее исполнение женской роли и сейчас едет учиться актерскому мастерству. В марте ей будет 14 лет. Мы собрали деньги и купили ей дом.

— Почему вы назвали вашу героиню и фильм "Усама"?

— Я хотел найти такое название, которое выразило бы мои мысли и чувства. Я его долго искал, но оно возникло само собой. В фильме героиня преследует мальчишки, но один малыш хочет ее защитить и говорит, что она мальчик. Те не понимают: как его звать? Тогда маленький храбреч говорит — Усама. Этим он хочет напугать преследователей, ведь имя бен Ладена вселяло страх. И я подумал — вот хорошее название для фильма. Потому что именно этот человек во многом виноват, что мой народ потерял свою культуру, свою национальную идентичность.

— Усама — это единственное имя, которое упоминается в фильме.

— Я сделал это нарочно, чтобы показать — все мы стали безымянными, превратились в толпу под влиянием этого человека.

— Когда талибан находился у власти, вы были в изгнании в Пакистане. Когда режим пал, вы вернулись. Что вы заметили первым делом?

— Мне возвращение запомнилось мне навсегда. Падал снег, я очень люблю снег. Кабул казался прекрасным. Но потом я обнаружил, что он разрушен, не только дома, но и души людей. Бывшие знакомые киношники работали шоферами такси, уличными продавцами. Они себя потеряли. Трудно было даже себе представить, как они вернутся к нормальной жизни. Но мы были полны энтузиазма, мы хотели все начать заново.

— Похоже, вы полны надежды?

— Да, я верю в будущее. Без этого нельзя работать.

— Вы чувствовали какое-либо

давление во время съемок? Ведь фильм рассказывает о серьезных политических проблемах, и далеко не все из них решены.

— Мне хотелось что-нибудь сделать для своего народа. Афганское кино перестало существовать. Успех моего фильма — это залог того, что в мире нами интересуются, значит, есть смысл снимать и дальше.

— Какие основные проблемы стоят перед страной?

— Мне кажется, что главная проблема в том, что некоторое время назад мы были в центре мирового внимания, а теперь нам уделяют его гораздо меньше. К этому трудно адаптироваться психологически. Народ надо вывести из тупика: строить школы, развивать культуру, избавляться от этой привычки все решать с помощью оружия. Народ очень устал от бесконечной войны, надо показать ему, что возможна другая жизнь.

— В прошлом столетии, по статистике, Афганистан производил по одному фильму каждые два с половиной года. Сейчас положение дел изменится?

— Да, за все время существования отечественной кинематографии мы сняли только около 40 фильмов. Конечно, во всем виноваты экономические и политические беды, которые нас преследуют. Тут было не до кино. Будет благополучие, будет и кино.

— Можно этого ждать в скором будущем?

— Что ж, мы потихоньку начали. Появилась какая-то надежда. Но наши друзья за рубежом, особенно США, так много обещают, но так мало делают.

— Может быть, про вас забыли, когда фокус мирового внимания сместился на Ирак?

— Да, теперь на нефть обращают больше внимания, чем на людей.

— Какую роль США и другие страны могли бы сыграть в Афганистане?

— Нам больше не надо обещаний. Нужны реальные действия. Кто эти

члены "Аль-Каиды"? Нищие люди, которые не сумели найти другой цели в жизни. Они видят разрыв между культурами, между бедными и богатыми. Но надежды у них нет. И они становятся террористами. Для того чтобы в стране не было террористов, надо создавать школы и рабочие места. До сих пор у них была только одна работа — убивать.

— В одном из интервью вы сказали, что эта история могла бы произойти не только в Афганистане, но везде, где господствуют экстремизм и фундаментализм. В Ираке могла бы?

— Конечно. Там тоже хватает фанатизма. К сожалению, это может случиться во многих странах. Причем не только у нас, в Тегеране, Багдаде или Маниле, но и в Нью-Йорке или Москве. Фанатизм имеет не только исламское лицо.

— Это и есть главная мысль вашего фильма?

— Да, я хотел бы, чтобы люди в мире обратили внимание на опасность фанатизма.

— Как ваш фильм приняли в Афганистане?

— Замечательно. Было много просмотров. Люди плакали и говорили, что все это очень похоже на их собственную жизнь, рассказывали истории о своих соседях, о девочках, которых знали. Они увидели в этом фильме себя.

— Стало женщинам и девушкам легче жить после падения талибана?

— Да, у них появились права. Они могут учиться, создавать свои газеты, радиостанции. Появились даже феминистские организации. И все же это скорее на бумаге, чем в реальной жизни. Большинство женщин по-прежнему не имеют работы, безграмотны, нищенствуют. Наконец-то у нас принята новая конституция, в которой закреплено равенство между полами. Но, боюсь, без посторонней помощи нам не обойтись.

— Какова роль вашего фильма в процессе перемен?

— Не побоюсь сказать — большая. Народ у нас малоработный, но образы на экране ему вполне доступны. Может быть, это поможет людям строить новую жизнь.

— Есть планы снимать новый фильм?

— Да, я работаю над одним проектом. Не удивляйтесь, это будет трагикомедия. Действие, естественно, будет разворачиваться в Афганистане. У нас полно талантов, как показал мой опыт, их можно найти прямо на улице.

По материалам журнала "Ньюсуик" подготовила
Катя МИЛОВИДОВА